

он сев III

1985

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

5 сентября 1985 г. 4

И ВНОВЬ УВИДЕЛ НЕБО!

В жизни есть множество явлений и тем, достойных внимания искусства. Но подлинный художник откликается прежде всего на то, что более всего в это время тревожит людей, что требует вмешательства самого активного и незамедлительного.

ЕСЛИ бы в начале моей кинематографической деятельности мне сказали, что я когда-нибудь буду снимать антиалкогольный фильм, я бы сильно удивился. Вот уж тема, что не вписывалась в русло моих художественных устремлений. Начиная с режиссерского своего дебюта — одностасовой документальной ленты «Это — лошади», я и в последующих, уже игровых картинах стремился — да не прозвучит это громко — к философскому осмыслению взаимосвязи человека и природы, стремился осознать и показать на экране истоки человеческой нравственности, доброты, стойкости, не сломленной самыми суровыми испытаниями, стремился сказать о высокой мере человеческой ответственности за все, что он делает сам и что происходит вокруг. Плодом раздумий об этих остро волновавших меня проблемах были фильмы «Небо нашего детства» и «Поклонись огню», «Лютый» и «Красное яблоко».

Критика и «сочувствующие» припомнили мне эти мои картины, когда я в 1977 году снял фильм «Улан». Писали и говорили, что я де изменил себе, сняв ленту открыто публицистическую, обращенную к проблеме столь неэстетической и пессимистичной, какой является пьянство. Впрочем, слово «публицистичность» почти не употреблялось, а употреблялось слово «плакат» в интонации уничижительной.

Но я был, есть и останусь гражданином до последних своих дней. Я считаю, что творческому человеку стыдно упиваться изысканными трелями соловья, когда рядом беда, зло, с которым нужно сражаться всеми доступными искусству средствами. Плакат? Прекрасно! Во время войны художники, поэты, музыканты сменили нежную лиру на набат — так было нужно.

Я не случайно произнес здесь слово «война».

До войны на родине моей, в Киргизии, самым «алкогольным» напитком был слабенький кумыс, пилу-другую которого подносили в большие праздники. Пьющий человек был в буквальном смысле слова исключительно редкостью, чем-то вроде злого духа из сказок, которым пугают детей. И вот прошла война, мы победили, народ стал жить лучше, зажиточнее, чем раньше, — дыши воздухом радости, расти детей, мечтай! Что еще надо человеку? И сперва никто даже не встревожился по поводу того, что как-то исподволь, незаметно вполз в жизнь «змий», почему-то прозванный «зеленым», в то время как за ним тянется черный след испепеленных судеб, страшных историй, в то время как вслед ему глядят скорбные глаза несчастных женщин и детей, которых водка осиротила при живых отцах.

Стали исчезать чайханы, эти своеобразные клубы, куда стекались люди, чтобы не только испить чаю, но и утолить жажду духовную, выговориться, послушать других, поделиться мудростью с молодежью, которая слушала аксакалов, затаив дыхание. Зато, как ядовитые грибы

Толомуш
Океев,
народный артист
Киргизской ССР

после дождя, стали вырастать всевозможные пивнушки, забегаловки, где с каждым годом торговля шла все бойчее и все с большим удовлетворением потирало пухлые руки всякое отребье, жиреющее на продаже «левого» спиртного, на «недоливках», разбавлениях и т. д., и т. п. Заискивающее заглядывание «алкаша» в глаза «хозяину» заведения, чтобы «отпустил» в долг, извлечение из семейного бюджета последнего рубля, чтобы дрожащими руками поднять стакан с «бормотухой», а еще воровство и кое-что пострашнее...

Начали пить женщины. Той, любое застолье — обязательно пьянка. Возникло соревнование — кто больше выставит спиртного на стол, кто больше выпьет и не грохнется оземь — такое вот уродливое «гусарство». И как же было больно наблюдать, как это пускает метастазы все дальше и глубже в жизнь общества, становится нормой, будто иначе уже и жить невозможно. Сколько я видел пышных свадеб, совершенно разорительных для устроителей, ибо были эти устроители, то есть родители молодых, людьми совсем небогатыми. Но считали своим долгом обязательно устраивать какой-то разблзанный разгул пьянства и обжорства, потому что как же иначе, люди пальцем покажут, засмеют.

Я БЫ ОЧЕНЬ хотел в этом месте подстраховочно написать, что-де, конечно, это было явление не массовое, а так — кое-где, в отдельных случаях, с отдельными людьми... Но это было бы лакировкой и ложью. Я считаю, что мы, люди искусства, и так слишком долго делали вид, что это зло имеет место быть вовсе не в тех масштабах, чтобы бить тревогу. Мы долгие годы, словно барынка, случайно оказавшаяся перед выгребной ямой в деревне, прижимали «шанелью» надушенные платочки к гордым носам. Искусство отворачивалось от «темы» или прикасалось к ней перстами легкими, как сон. А это была уже вовсе и не тема, а самое настоящее горе, в котором утонуло и немало самих людей искусства, людей талантливых, яко начинавших как поэты, художники, музыканты, кинематографисты и сгоревших в горячем алкогольном бреду. И нужен был сегодняшний день, нужны были решения партии и правительства по борьбе с алкоголизмом и пьянством, чтобы напомнить искусству о его святой задаче — быть бойцом в борьбе с любым злом, мешающим нашему продвижению вперед. Вчитайтесь в отклики людей, которые пишут в газеты, одобряя эти решения, — и вы поймете: они вызревали в недрах народной жизни, они продиктованы сердцем народа.

Я читаю эти отклики... Какие разные имена, города, профессии и какие в сущности до банальности похожие истории. Я уже с этим сталкивался, когда собирал материал для «Улана». Я объездил тогда множество медвытрезвителей, побывал в местах заключения, чтобы встретиться с людьми, попавшими сюда, как они выражались, «по пьянке». Это было тяжелое занятие — сбор материалов для такого фильма. Но это было нужно.

Потому что я однажды открыл суть алкоголизма, увидел, как человек превращается в зверя. И ужаснулся — сколько горя из-за водки, сколько несчастных, одиноких. Сколько мы потеряли и теряем прекрасных людей, товарищей...

Я хотел сделать фильм-крик. Страшный фильм о том, как добрый, хороший, талантливый человек убивает в себе водкой человеческое, лишается полета фантазии, любви. Фильм о живых вроде бы людях — и помертвевших внутренне. О людях, лишившихся нравственных ценностей, полнокровной жизни, будущего.

Суйменкул Чокморов в «Улане» беспощадно, как скальпелем, вскрывал, так сказать, причинно-следственные связи в трагедии своего героя. Его звали Азад Майрамов, он работал заместителем начальника порта, он был добрейшей души малый, которого любили все и который любил всех. Чокморов шаг за шагом показывал процесс скатывания к пропасти — компании, тосты, складывание дурной традиции, ложно-товарищеских отношений. А «душа общества» Азад Майрамов между тем спивался, и некому было решительно схватить его за руку, крикнуть: остановись, еще не поздно! А если криком не убедить — так заставить во имя его же самого и во имя спокойствия общества. Такой силы тогда возле Майрамова не оказалось. И он в пьяной драке совершил преступление и попал в тюрьму...

Не правда ли, ситуация эта знакома нам. И я как режиссер, естественно, тоже был озабочен тогда: а будут ли это смотреть, не заскучают ли зрители? Но решил: это не те «сюжеты», где нужно искать «изюминки», неожиданный поворот. Речь о жизни человека, о том, как он едва не сгубил, не испачкал единственный и неповторимый сюжет своей жизни.

И я снял фильм «Улан», и посейчас, проглотив, переварив все упреки, горд, что снял его, и сегодня не знаю, к какому жанру его отнести. И не о жанре «Улана» писали мне люди — тысячи людей! — со всех концов страны, посмотрев картину. Это были письма-исповеди, это были письма от пьющих и непьющих, от их матерей, жен и детей, потерявших надежду свою и надевавшихся все же, невзирая ни на что, обрести ее. Я горд, что этот мой фильм взволновал людей, и я не стыжусь, что над ними из тех писем пролился слезу.

МЕНЯ упрекали еще и в том, что у фильма конец оптимистический, что Азад Майрамов после долгих лет заключения перерождается и духовно очищается. Не принимал тогда и не приемлю сейчас эту укоризну. В этом оптимизме я шел не от желаемого, забыв действительное. Я шел от надежды и веры. Я знаю людей, для которых честь, человеческое достоинство, уважение окружающих оказались сильнее пагубной страсти, и я уверен в духовной силе, в духовном здоровье людей; я уверен, что, взявшись миром, мы победим это зло. Уже весьма ощутимые сегодняшние успехи в этой борьбе радуют. Они позволяют надеяться на то, что настанет день, когда не станет самой этой проблемы и в кругу кинематографических тем будет преобладать тема «соловьиная». Пусть будет так, я тоже нежно люблю соловья. Но разве пьяный услышит, как прекрасна его песня?